

Министерство образования и науки РФ
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Филологический факультет ТГУ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов I (XVI)
Международной конференции молодых ученых
(9–11 апреля 2015 г.)

Выпуск 16

Издательство Томского университета 2015

во многом помогает читателю определить, принадлежат ли данные произведения к разряду художественной литературы или нет.

Примечания

1. *Лотман Ю. М.*, О содержании и структуре понятия “художественная литература” // *Лотман Ю. М. Избранные статьи*: В 3 т. — Таллинн: Александра, 1992. — Т. 1. — С. 203–216.
2. *Тодоров Ц.*, Понятие литературы // *Семиотика*. — М.: Радуга, 1983. — С. 355–369.
3. Там же.
4. *Хализев В. Е.*, Теория литературы. — М.: Высшая школа, 2000. — С. 90.
5. *Шкловский В. Б.*, Искусство как прием [Электронный ресурс] <http://small.karelia.ru/~filolog/lit/artpass.pdf>.
6. Терри Иглтон отмечает в своей книге «Введение в теорию литературы»: “Другая проблема, связанная с «остранением» заключается в том, что не существует такой манеры письма, которая не могла бы, при достаточной изобретательности, быть прочитана как «остраненная»” (Terry Eagleton, *literary Theory, An Introduction*, sec. ed., Minnesota Press, 2003). Кристофер Нью в своем исследовании отмечает, что «Certainly, as it (остранение) stands, the condition it proposes is neither necessary nor sufficient. Not necessary, for W.H. Davies’s poem *Leisure* certainly is literature, whether or not we think highly of it, but it does not appear to ‘defamiliarise’ or ‘intensify perception’ any more than many a nonliterary discourse might».
7. *Hirsch E. D., Jr.*, what isn’t literature//, *philosophy of literature, contemporary and classic readings*, edited by Eileen Jhon and Dominic Mciver Lopes, Blackwell, 2004; Ullrich Haase and William Large, *Mauric Blannchot*, Routledge, London and New York, 2001.
8. *Тодоров Ц.*, Понятие литературы // *Семиотика*. — М.: Радуга, 1983. — С. 355–369.
9. *Берг М. Ю.*, Литературократия [Электронный ресурс] <http://www.mberg.net/vved/>
10. *Лотман Ю. М.*, О содержании и структуре понятия “художественная литература” // *Лотман Ю. М. Избранные статьи*: В 3 т. — Таллинн: Александра, 1992. — Т. 1. — С. 203–216.
11. Там же.
12. *Тодоров Ц.*, Понятие литературы // *Семиотика*. — М.: Радуга, 1983. — С. 355–369.

ЭФЕНДИЕВА Н. Р.

Сказка В. А. Жуковского «Спящая царевна» на страницах журнала «Европеец»

Рассматривается сказка В. А. Жуковского на страницах периодической печати «Европеец» (1832). Стихотворное переложение Жуковским западноевропейских сказок воспринимается как один из возможных путей строительства современной русской литературы и культуры.

Ключевые слова: Сказка, царевна, Жуковский, журнал.

Следствием повышенного внимания к вопросам «народности» явилось обострение интереса к русскому фольклору и в первую очередь к русской сказке. 30-е годы характеризуются интенсивной работой по собиранию сказочного фольклора. С 1831 по 1834 г. выходят сказки А. С. Пушкина «Сказка о царе Салтане», «Сказка о рыбаке и рыбке», издаются сказки

В. И. Даль, пишет сказки П. П. Ершов, О. М. Сомов и многие другие. В конце XX г. Жуковский выступает как автор переводов сказок братьев Grimm, которые позднее были опубликованы в журнале «Детский собеседник». Бесспорно, эта работа над сказочным фольклором акцентировало внимание поэта к народной русской сказке. Благодаря Пушкину и Жуковскому русская стихотворная сказка связала в себе фольклорный образец, особенности народной сказки.

Новый этап в творческой биографии В. А. Жуковского приходится на начало 1830-х гг. В это время выходит из печати двумя изданиями книга «Баллад и повестей», создаются такие стихотворения, как «Приход весны», «Мечта», стихотворные повести «Сражение со змеем», «Суд Божий», «Суд в подземелье» и др. С этим периодом связана и работа поэта над созданием литературных сказок на фольклорной основе. В это время им были написаны «Сказка о царе Берендее», «Война мышей и лягушек» «Спящая царевна». На протяжении творческого пути Жуковского привлекали едва ли не все известные в его время разновидности народной и литературной сказки. Особый интерес у поэта вызвали сказки братьев Grimm¹. По мнению А. Н. Афанасьева, сказки Жуковского, создававшиеся в период с 1831 по 1845 гг., являются вершиной его творчества в русском народном стиле².

Осенью 1831 г. Жуковский вместе с А. С. Пушкиным приступает к поэтической переработке русских и западноевропейских сказок. Как известно, Жуковский вступил с Пушкиным в своеобразное состязание, написав «Сказку о царе Берендее» в ответ на «Сказку о царе Салтане» Пушкина. 3 сентября 1831 г. Пушкин писал П. А. Вяземскому о необыкновенном творческом подъеме Жуковского: «Жуковский все еще пишет, завел 6 тетрадей и разом начал 6 стихотворений; так его и несет»³. Сам Жуковский в письме Вяземскому сообщал: «Напечатал мои сказки, давно были у меня переведены, вот их история»⁴. Это было время интенсивного творческого общения двух поэтов, совместного обсуждения вопросов о народности русской литературы и путях ее дальнейшего развития.

«Спящая царевна» (1831) Жуковского представляет собой свободное переложение сказки братьев Grimm «Шиповничек» («Dornroschen») и отчасти сказки Ш. Перро «Красавица, спящая в лесу» («Labelleauboisdormant»). Жуковский стремился как можно более приблизить перевод к русскому читателю, «склоняя» оригинал «на наши нравы». Обратимся к сказке и попробуем проанализировать ее. В основе сказки Жуковского «Спящая царевна» лежит сюжет пробуждения души. Этот сюжет соединяется с философией судьбы в творчестве русского поэта и с такими известными балладными мотивами, как мотив встречи жениха с мертвой невестой / невесты с мёртвым женихом, встречающийся в балладах «Людмила», «Светлана», «Ленора», а также мотив сбывающегося пророчества⁵. Хотя сюжет этой сказки не зафиксирован в русском фольклоре, однако Жуковский придал ему яркие национальные черты, связанные с изображением царя и его

быта, с описанием внешности и нарядов царевны. Все это сообщает ей явные черты литературности. Так, например, само имя царя Матвей вызывает аллюзии с повестью Н. М. Карамзина «Наталья, боярская дочь». Боярин Матвей, «верный слуга царский, верный друг человечества», описывается в повести как хлебосольный человек и как любящий отец. В сказке Жуковского царь Матвей так же представлен добрым царем и любящим отцом⁶. Литературная природа этой сказки раскрывается и через использование в ней иронии, которая передает отношение автора как к самим сказочным персонажам и их функциям в произведении, так и к встречающимся здесь приемам стилизации. Ср.: «Но уж рак уполз в ручей, // Не слыхав ее речей. // Он, конечно, был пророк; // Что сказал, сбылося в срок»; «Отчего ж так оплошал // Наш разумный царь Матвей?»; «Что ж осталось досказать? // Свадьба, пир, и я там был // И вино на свадьбе пил».

Фольклорное начало этой сказки передается во многом через мифологические образы, в частности, образы пряжи, веретена и образ огня. Символика веретена связывается с процессом прядения нити жизни в целом. Также веретено выступает в качестве атрибута женских божеств, соотносимых с человеческой судьбой. Веретено как острый предмет соотносится и с семантикой смерти. Отсюда в сказке принципиально значимым оказывается образ смерти-сна героини от укола веретена. Огонь же выступает здесь символом домашнего очага и символом Духа Святого⁷. В сюжетном плане этот образ связан с ситуацией искупления и спасения героев, а также с семантикой оживотворения, с предчувствием грядущего воскресения человека и мира. Нравственные качества персонажей выступают на первый план.

В «Спящей царевне» трижды описывается очарованный дворец, при этом каждое из описаний строится с учетом перемены перспективы: от царевны к периферии дворца и наоборот, что делает почти незаметной фольклорную природу композиционных повторов⁸. Жуковский использует прием повтора для построения сюжета по принципу градации, для усиления экспрессивности речи и для сохранения «простонародного» стиля. Повествование в сказке «Спящая царевна» ведется от третьего лица. В ней много устойчивых поэтических формул, постоянных эпитетов, обращений. Встречающиеся здесь вопросительные предложения выполняют функцию активизации читательского интереса, а также служат связующими элементами композиции произведения. Сказка Жуковского способствовала знакомству читателя с моральными идеалами простого русского человека, раскрывали мир высоко гуманизма, в котором дружба, любовь и вера торжествуют над силами зла. Наряду с пушкинскими, сказки Жуковского явились доказательством того, что на основе народного творчества могут быть созданы высокие образцы национальной литературы.

Все сказанное в полной мере относится и к сказке Жуковского «Спящая Царевна»⁹. Жуковского «Спящая царевна» увидела свет на

страницах первого номера «журнала наук и словесности» «Европеец», вышедшего в 1832 г. Издателем этого журнала был, как известно, И. В. Киреевский. Журнал открывался его программной статьей под названием «Девятнадцатый век». В нем автор стремился «постигнуть дух своего времени» и представить разные направления в европейском общественном сознании, сформировавшиеся в конце XVIII– первой трети XIX веков, а также их преломление в художественной литературе. Отмечая всеобщее широкое распространение просвещения в Европе, Киреевский видит основные его особенности в сближении Жизни и Поэзии, в «сближении жизни с развитием человеческого духа»¹⁰. В этом смысле сказка Жуковского «Спящая царевна», напечатанная вслед за этой статьей, осмысливается в контексте стратегии национального культурного строительства, неотделимого от категорий народности и историзма.

Наконец, настоящим культурно-философским комментарием к сказке Жуковского «Спящая царевна» могут служить опубликованные в этом номере журнала «Европеец» еще две статьи Киреевского под названием «Обозрение русской литературы за 1831 год» и «Горе от ума» на московском театре». В первой из них автор обосновывает роль литературы в умственной и духовной жизни России, отмечая, что литература у нас есть «главнейшее, если не единственное» выражение нашей образованности. И далее Киреевский в числе «важнейших явлений нашей поэзии», увидевших свет в 1831 г., называет «Бориса Годунова» Пушкина, «Наложницу» Баратынского и собрание «Баллад и повестей» Жуковского. Во второй статье становление русской литературы видится ему как органический синтез общеевропейских и национальных традиций. «Там, — пишет он, — где общеевропейское совпадает с нашею особенностью, там родится просвещение истинное русское»¹¹. В этом смысле стихотворное переложение Жуковским западноевропейских сказок воспринимается как один из возможных путей строительства современной русской литературы и культуры.

Примечания

1. Скачкова С. В. Сказки В. А. Жуковского: генезис, источники, жанровое своеобразие: Автореферат ... канд. филол. наук. Л., 1985. С. 11.
2. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: В 3 т. М.: Гослитиздат, 1957. С. 382.
3. Русская литература и фольклор: [Электронный ресурс] URL: <http://febweb.ru/feb/zhukovsky/texts/zh0/zh4/zh4-391-.htm> (дата обращения 05.03.2015).
4. Там же.
5. Поплавская И. А. Диалог поэзии и прозы в сборнике В. А. Жуковского «Баллады и повести» (Статья первая). Вестник Томского государственного университета. Филология. 2009. № 2 (6). С. 60.
6. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 4. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 88–89. В дальнейшем все цитаты даются по этому изданию с указанием в скобках страницы.
7. Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М.: Изд-во «Республика», 1996. С. 184.
8. Березкина С. В. Спящая царевна. Комментарии // Жуковский В. А. Полное собра-

- ние сочинений и писем: В 20 т. М.: Языки славянских культур, 2004. Т. 4. С. 460.
9. *Пропп В. Я.* Фольклор и действительность — М.: 1976.
 10. Европеец. 1832. № 1. [Электронный ресурс] http://mirknig.mobi/data/2013-03-11.14/1340171/Kireevskiy_Evropets.1340171.pdf
 12. Там же.